

Денис Иванович Фонвизин

1745-1792

Фонвизин (Денис Иванович; фамилия Фонвизин писалась в XVIII в. в два слова; это же правописание сохранялось до половины XIX века; окончательно установлено правописание в одно слово Тихонравовым, хотя уже Пушкин находил это начертание правильным, как придающее более русский характер фамилии писателя, который был, по выражению Пушкина, «из перерусских русский») — знаменитый писатель Екатерининской эпохи; родился в Москве 3 апреля 1745 г.; происходил из лифляндского рыцарского рода, выехавшего в Москву еще в XVI в. и совершенно обрусевшего. Первоначальное образование Фонвизин получил под руководством своего отца, Ивана Андреевича, который, как вспоминает Фонвизин в «Чистосердечном признании», «был человек большого здравого рассудка, но не имел случая, по тогдашнему образу воспитания, просветить себя учением», однако, был довольно начитан,

преимущественно в сочинениях нравоучительного характера. Представляя своего отца человеком старого времени, отличающимся такими достоинствами, каких не имеется в «нынешнем обращении света», Фонвизин дает возможность указать прототип для созданного им Стародума: те сентенции личной и общественной морали, которые влагаются им в уста Стародума, заключались, может быть, уже в наставлениях отца, возбуждавшего в Фонвизине любовь к старой русской жизни. Несмотря на «безмерные попечения»; объем домашнего образования был не особенно велик, так как средства не позволяли отцу Фонвизина «нанимать учителей иностранных языков»: дома он усвоил элементы русской грамотности, а чтение церковных книг, будучи одним из важных средств религиозного воспитания, вместе с тем дало Фонвизину знакомство со славянским языком, «без чего российского языка и знать невозможно». В 1755 г. Фонвизин поступил в только что открытую гимназию при московском университете; в 1760 г. был «произведен в студенты», но пробыл в университете всего 2 года. Хотя и очень чувствовались недостатки этих юных просветительных учреждений, хотя преподавание было весьма слабо, хотя учителя отличались «пьянством и нерадением», тем не менее Фонвизин много вынес из годов своего ученья: не говоря уже о знании французского и немецкого языков, открывшем ему непосредственный доступ к европейским литературам, школа дала Фонвизину известную умственную дисциплину, благодаря которой он выделяется из среды современных ему литераторов не только талантом, но и систематичностью образования. На школьной скамье, под влиянием некоторых профессоров, начинаются и литературные занятия Фонвизина: в 1761 г. он поместил в журнале Хераскова «Полезное Увеселение», переводную статейку «Правосудный Юпитер» и отдельно напечатал перевод басен Гольберга. В следующем году он издал перевод нравоучительного сочинения Террасона:

«Геройская добродетель, или жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая» и напечатал несколько переводов в издании проф. Рейхеля: «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствий». К этому же времени относятся не дошедшие до нас оригинальные произведения Фонвизина, в которых выразилось его стремление к сатире. «Острые слова мои, вспоминает Фонвизин, носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою; все же те, коих острые слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезным и в обществе приятным». Несмотря на этот успех, Фонвизин отзывается о своих первых произведениях очень строго, говоря, что это «были острые ругательства: много было в них сатирической соли, но рассудка, так сказать, ни капли». К годам ученья относится и зарождение в Фонвизине любви к театру: во время поездки гимназистов в Петербург для представления куратору Шувалову, Фонвизин был в одном спектакле, и впечатление вынес сильное. «Действия, произведенного во мне театром — рассказывает он, — почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров — великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие». В 1762 г. ученье Фонвизина в университете прекращается; он определяется сержантом гвардии, хотя эта служба его совсем не интересует и он от нее уклоняется, насколько возможно. В это время в Москву приезжает двор, и вице-канцлер определяет Фонвизина в коллегию иностранных дел «переводчиком капитан-поручичья чина», а в следующем году Фонвизин назначен «быть для некоторых дел» при кабинет-министре у принятии челобитен, И. П. Елагине, который с 1766 г. получает в свое заведывание театры. Назначением этим Фонвизин, может быть, был обязан «греху юности» — переводу Вольтеровой «Альзиры», который начат был им еще в университете. Елагин был очень расположен к своему молодому подчиненному, но служба была тяжела для Фонвизина вследствие неприятностей с секретарем Елагина, драматургом Лукиным, старавшимся вооружать против Фонвизина кабинет-министра. В первое же время пребывания в Петербурге Фонвизин сблизился с кн. Козловским и некоторыми другими молодыми литераторами. Об этом кружке он впоследствии не мог «без ужаса вспомнить», так как «лучшее препровождение времени состояло в богохулии и кощунстве». Это направление не прошло бесследно для Фонвизина: он увлекся модным вообще в то время скептицизмом, отголоском чего является «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке», напечатанное в первый раз в ежемесячном издании «Пустомеля», в 1770 г. Однако, увлечение идеями кружка кн. Козловского не могло быть для Фонвизина особенно продолжительным, так как религиозная основа домашнего воспитания была в нем сильна и он «содрогался, слыша ругательство безбожников». К этому периоду жизни Фонвизина относятся некоторые его стихотворения и новые переводы, из которых особенный успех имели переводы поэмы Битобе «Иосиф», а также повести Бартеlemi: «Любовь Кариты и Полидора» (1763). В это же время появляется первый опыт Фонвизина в области драмы: в 1764 г. была представлена его комедия «Корион», переделанная из французской комедии Грессе «Сидней». Это произведение важно не только для развития таланта Фонвизина, как переход от переводов к «Бригадиру» и «Недорослю», но в нем можно видеть и прогресс вообще русской литературы. «Применение иностранных комедий к нашим нравам — говорит Н. С. Тихонравов — было уже шагом вперед от простых переводов к произведениям более оригинальным». Правда, оригинальность пьесы выразилась только в немногих внешних чертах, так как и сюжет, и структура, и главные типы комедии целиком заимствованы. Однако, «Корион», судя по современным свидетельствам, понравился публике. Успех ободрил автора, и вероятно уже в 1768 г. был написан «Бригадир», представляющий собою значительный прогресс в применении чужих произведений к русскому быту. Несмотря на заимствование главного действующего лица, знаменитого Иванушки, из комедии датского писателя Гольберга «Jean de France», несмотря на некоторые другие черты подражания, «Бригадир» есть одно из важнейших явлений нашей литературы. Если в «Корионе» черты русского быта едва были намечены, то в «Бригадире»

они выдвигались на первый план, так что заимствование могло почти совсем оставаться незамеченным. Типы петиметра и щеголихи, выставленные в лице Иванушки и советницы, в достаточной мере были знакомы уже из русской действительности, особенно из наблюдений над столичной жизнью, в чем могут лучшим подтверждением служить для нас статьи сатирических журналов того времени. Еще более оригинальными, выросшими на русской почве, являются типы советника, бригадира и бригадирши. Немудрено поэтому, что «Бригадир» произвел сильнейшее впечатление на тогдашнюю публику: Н. И. Панин отозвался о нем, как о «первой комедии в наших нравах»; Фонвизина сравнивали с Мольером, комедия его не сходила со сцены. В 1769 г., вследствие новых столкновений с Лукиным, Фонвизин был вынужден оставить службу при Елагине и определился опять в коллегию иностранных дел, к гр. Н. И. Панину. Как секретарь Панина, он положительно завален работой: ему поручена обширнейшая переписка с нашими дипломатами при европейских дворах; под руководством своего начальника он составляет крайне любопытный проект государственных реформ, по которому предполагалось предоставить верховному сенату законодательную власть, обеспечить «два главнейшие пункта блага государства и народов: вольность и собственность», для чего нужно освободить крестьян. В этом проекте обращает на себя внимание характеристика господства временщиков: «вчерашний капрал, неизвестно кто, и стыдно сказать, за что, становится сегодня полководцем и принимает начальство над заслуженным и ранами покрытым офицером»; «никто не намерен заслуживать, всякой ищет выслуживать», Замечательно также обличение крепостного права. «Представьте себе государство, говорит Фонвизин, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьей над человеком другого состояния, где каждый следственно может быть или тиран, или жертва». Упоминает Фонвизин и о необходимости уничтожить невежество, на которое опирается рабство. Рядом с официальными поручениями, Фонвизину приходится много работать и по различным частным делам гр. Панина. Служба при Панине продолжалась до 1783 г., когда Фонвизин вышел в отставку с чином статского советника и с пенсией в 3000 руб. Литературная деятельность Фонвизина за этот период его жизни не могла быть особенно велика, так как для нее не хватало досуга; тем не менее именно в это время, может быть вследствие постоянных впечатлений, которые испытывались в центре общественных и политических интересов эпохи, появились важнейшие в литературном и общественном отношении произведения Фонвизина. Это были статьи в «Собеседнике любителей российского слова»: «Опыт российского сословника», «Вопросы автору Былей и Небылиц», «Челобитная российской Минерве от российских писателей», «Поучение, говоренное в Духов день Иереем Василием», и комедия «Недоросль», представленная в первый раз в 1782 г. «Челобитная российской Минерве» имеет значение как защита прав литературы против разных ее врагов, отрицающих пригодность писателей «к делам», а знаменитые «Вопросы» касаются некоторых больных сторон русской действительности. Смелость, «свободоязычие» этих «Вопросов» вызвали против Фонвизина неудовольствие императрицы Екатерины II. «Недоросль», как и «Бригадир», занимает первое место в сатирической литературе Екатерининского времени, борющейся за просвещение. По своей оригинальности он значительно выше «Бригадира»: заимствования проявляются в некоторых незначительных частностях, например в знаменитой фразе г-жи Простаковой о том, что география не нужна, так как есть извозчики и т. п. Типы семей Простаковых и Скотининых несомненно русские, унаследованные от старого времени и сохраняющие в неприкосновенности свои исконные черты невежества и грубости. Правда, в некоторых из этих типов есть следы карикатуры, но в общем они чрезвычайно жизненны, и этим объясняется как успех комедии в свое время, так и тот интерес, который она до известной степени возбуждает и теперь. Для эпохи Фонвизина и лично для автора большое значение имели и скучные для нас речи резонеров, в особенности Стародума, в уста которого Фонвизин вложил выражение своего идеала гуманности и просвещения. За время службы при гр. Панине Фонвизин совершил с большой женой (рождённой Роговиковой) первое путешествие за границу (1777-78), побывав в Германии

и во Франции. Второе путешествие было предпринято в Германию и Италию (в последней Фонвизины провели 8 месяцев) в 1784 г.; через два года уже самому Фонвизину пришлось ехать лечиться от последствий паралича в Вену и Карлсбад. Последние годы жизни вообще прошли для Фонвизина в тяжелой обстановке: расстроилось окончательно здоровье, а вместе с тем пошатнулось и его материальное благосостояние, вследствие разных тяжб с арендаторами. Литературная деятельность Фонвизина почти совсем прекращается, если не считать литературными произведениями его письма из-за границы и его путевые журналы. Они не предназначались для печати и были опубликованы уже в XIX в., но представляют выдающийся интерес, как суждение умного наблюдателя тогдашней европейской жизни. Отзывы Фонвизина о европейцах далеко не всегда справедливы и часто крайне резки (как например знаменитая фраза: «француз рассудка не имеет и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье»), но это пристрастие, объясняемое отчасти личными мотивами, болезнью, неприятностями путешествия, не уничтожает значения некоторых заметок Фонвизина: в них виден самостоятельный, критически-мыслящий человек, и в этом отношении письма Фонвизина следует поставить значительно выше «Писем русского путешественника» Карамзина. В 1792 г. Фонвизин умер и похоронен в Александро-Невской лавре. В своей литературно-общественной деятельности Фонвизин выступает как честный, убежденный прогрессист, как поклонник просвещения и лучшего общественного устройства, не изменяющий до конца тем освободительным взглядам, которые господствовали в начале Екатерининского царствования, несмотря на то, что эти взгляды в позднейшее время уже не пользуются покровительством и сочувствием правящих сфер: он чужд оппортунизма, которым отличались многие тогдашние литераторы, смотревшие очень легко на свою профессию, тогда как он видит в ней службу обществу. Как образованный человек и самостоятельный ум, он критически относится к наблюдаемым явлениям, провидя впереди идеал лучшей жизни. См. «Сочинения, письма и избранные переводы Фонвизина» (СПб., 1866, под ред. П. А. Ефремова, с биографией, составленной А. П. Пятковским); «Первое полное собрание сочинений Фонвизина» (М., 1888); кн. П. А. Вяземский, «Фонвизин» (СПб., 1848; «Полное собрание сочинений кн. Вяземского», т. V); Тихонравов, «Материалы для полного собрания сочинений Фонвизина, под ред. Л. Н. Майкова» (СПб., 1894); Незеленов, «Литературные направления в Екатерининскую эпоху» (СПб., 1889); С. А. Венгеров, «Русская поэзия» (т. I; здесь напечатано составляющее величайшую библиографическую редкость шуточное стихотворение «Чортик на дрожках»; это стихотворение помещено также в «Материалах» Тихонравова, который сомневается, однако, в достоверности его принадлежности Фонвизину); И. Н. Жданов. «Фонвизин» (в «Русском Биографическом Словаре»; полная библиография).

А. Бороздин